Марат Морев

Проводник

Марат Морев
Проводник

https://litres.ru/74759868
SelfPub; 2026

Аннотация

В поезде не бывает случайных попутчиков, особенно, когда дорога превращается в путь к себе, а реальность стирается и сливается с магией в мелькании картинок за окном.

Марат Морев
Проводник

Слепящие июньские лучи то выскакивали из-за раскачивающихся березовых крон, проносящихся мимо запыленного окна, то прятались за них или за ватные облачные скульптуры, плывущие над полями. Иногда казалось, что на зеленый холст небрежными мазками нашлепали яркие краски - синяя полоса васильков, рядом с ней желтая клякса одуванчиков, чуть дальше белые островки ромашек.

Час покоя был близок. Давно осталась за шумным перроном городская суета и серая пыль. Больше не шатались по вагону жадно ловящие взгляд продавцы, всех и во всем подозревающая дорожная полиция, толстая стервозная проводница. Еще десяток километров и поезд окажется вне зоны роуминга. Никаких звонков. Полчаса часа дорожной нирваны в огромном кресле полупустого общего вагона, пропахшего железом, мазутом, пирожками, заварными супами, табаком, туалетом, надеждами, предвкушениями чуда и погибшими мечтами.

Легкое покачивание вагона убаюкивало, медленно, слой за слоем, растворяя липкую слизь тревог и расслабляя тело. Спать было бы уютно и легко, но не хотелось так глупо тратить это время. К тому же скоро должен был вступить хор. Едва уловимое гудение в вагоне всегда начиналось на одном

и том отрезке пути и плавно переходило в приглушенное пение далекого хора, в котором невозможно разобрать отдельные слова. Лишь единство и слаженность призрачных голосов, слившихся в торжественном гимне.

Тощий человек в соседнем кресле появился незаметно. На нем был черный потертый китель со стоячим воротником и незнакомыми витиеватыми шевронами. Черная фуражка, больше похожая на картуз, была надвинута на мохнатые черные брови. На черных брюках алела широченная полоса генеральских лампас. Взъерошенные бакенбарды плавно переходили в полоску на впалой щеке и соединялись с пышными усами.

Мне показалось, что он вздрогнул, когда я взглянул на него, в попытке испепелить и сдуть прах на грязный пол. Вокруг было полно пустых мест, даже у окна и в обоих направлениях движения. Но он сел именно рядом со мной.

За окном все также играло в прятки солнце, пролетела поляна, потом низина с обугленными остатками деревьев, мелькнула стеклянной ниткой далекая река...

В вагоне было непривычно тихо. Не хлопала дверь, не пищали игры на планшетах и телефонах, не шуршали пакеты и газеты, не бегали дети.

Хор ударил резко и оглушающе громко. Что-то изменилось. Раньше пение было иллюзорным, составленным из скрипа вагона, свиста воздуха и других звуков, возникавших, возможно, из-за небольшой кривизны путей, наклона

или бог знает чего, но сейчас это было нечто совсем иное.

Я не понимал отдельных слов, но улавливал общий смысл. Если выразить в двух словах, то это была торжественная безысходность. Когда некуда больше бежать, нечего бояться, не о чем беспокоиться. Перекипевшее отчаяние. Понимание этого возвышало над вселенной, делало тебя почти богом.

Пейзаж за окном размыло дождем, как забытый на мольберте этюд. Краски сливались в бесформенные кляксы, рождая новые фигуры и сочетания цветов. Я с трудом повернул голову. Тощий смотрел на меня как филин на высунувшуюся из норы полевку. Он даже не изменил позу с момента, когда я его заметил. В огромных, черных как бездна зрачках железная дорога уходила в бесконечность. По ней едва плелся прокопченный древний паровоз, пыхтя густым серым дымом. Натужно скрипя, он тащил разбитые снарядами теплушки, смятые, как пивные банки разноцветные евро-вагоны и заваленные телами платформы. Свободных мест не было - прошитые пулями, смятые, с оторванными конечностями и обуглившейся кожей из разбитых окон смотрели в пустоту миллионы пар глаз. Отрешенно глядя вдаль, состав вел мой попутчик. Почувствовав чужого, он медленно повернулся в мою сторону. Волна, наполненная одновременно тоской об утраченном и радостью избавления от суеты бытия, захлестнули так, что мысли и чувства рассеялись. Память о прошлом и повседневная незначительность мелких тревог испарились и падали на лицо расплавленными свин-

цовыми каплями. Горячая угольная копоть, летящая из трубы, забила легкие, не давала свободно дышать. Сажа скрипела на зубах, шершавая копоть толстым слоем налипала на кожу. Хотелось только одного – вдохнуть как прежде. Пение призраков, стук колес и свист ветра слились в единой симфонии. Вечный страх смерти, то скалящийся из разбитой в аварии машины, то хихикающий из-под простыни в морге, то затопляющий сознание в горячечном бреду болезни вдруг исчез. Как оказалось, умирать было не страшно. Даже интересно. Страх заскулил, и, поджав хвост, юркнул в последнюю темную щель сознания.

-

Молодой человек, молодой человек!

Надо мной склонилась проводница. Седые сальные пряди выбились из-под синей форменной пилотки.

- Вы же до Пулявлино. Через пару минут ваша станция!

Солнце больше не пряталось за деревьями, домишки не мелькали, а медленно уползали за край окна. Соседнее кресло скучало без пассажира.

Для сна это было слишком реалистично, для реальности слишком фантастично. Забитый шаблонами мозг уже не воспринимал драконов, пришельцев и выигрышей в лотерею, а потому остался лишь горьковатый привкус досады, что лучшие полтора часа последнего месяца растрачены на сон.

К счастью, сегодня был четверг, и выходили на станции

лишь трое железнодорожников в промасленных оранжевых жилетах и пара старушек. Одна из них, раскачиваясь у раскрытой двери и охая, заслонила проход объемным телом, облаченным в серую вязаную кофту и безразмерную шерстяную юбку.

- Ох, сынок, помоги бабке старой. Силов моих нет совсем. Забыли видать мои-то, не пришли. Не слезть мне. И манатки мои уж прихвати, будь мил – пропела она, слегка шепелявя и причмокивая.

Оказавшись на перроне в окруженье объемных шуршащих тюков, благоухавших лесными и полевыми травами, бабка не спешила разжать мягкую морщинистую ладонь.

- Ох, милок. Спасибо тебе. Помог бабке старой. Здоровья тебе. А ведь не твоя ж это станция, сынок. Ой, не твоя.

- Пулявлино. Написано же вон. Значит моя.

- Хтож сбил с пути-то тебя, милок? Сердце у тебя вроде не злобное, хотя и водятся грешки и мыслишки темные порой. Да кто сейчас не без греха-то? На-к вот оберег тебе. Токма чужим не давай в руки.

У меня на ладони оказался плетеный из высушенных трав и соломы круг с интересным орнаментом.

- Авдотья Петровна, извините, задержали немного. Но, вижу, мир не без добрых людей.

- Мишка! Опять ты по болталке своей заболтался.

- От вас ничего не скроешь.

Мишке было около шестидесяти. Он виновато улыбался

и покручивал кончики седых усов.

- Эх, молодежь. Бери вон травки мои, тащи. Да аккуратно там смотри.

- Спасибо вам, что помогли. Может подвезти?

- Не за что, я лучше пройдусь. Подышу. Насиделся в вагоне.

- Дело хозяйское. Счастливо.

Когда последний узелок оказался в зубах, он засеменил к стоявшей неподалеку «Ниве». Старушка накрыла меня взглядом, как простыней и, вздохнув, довольно шустро двинулась вслед за Мишкой.

Все та же горячая пыль, кудахтанье и похрюкивание из-за покосившихся заборов, диковатые ободранные кошки, заросли крапивы, запах навоза и свежезатопленой бани. Ничего не изменилось за полгода, как, впрочем, и за предыдущие года. Вот только необычным был жуткий холод возле аккуратного коттеджа и небольшая голосящая толпа. Стоило подойти ближе, как ворота распахнулись, выплюнув похоронную процессию и январский мороз.

Казалось, что гроб скоро упрется в меня. Лицо покойника был кремово-белым и умиротворенным. Но только внешне. Под белой маской же бушевала буря, способная разнести все село. Мертвец метался и строил мерзкие рожи. Особенно доставалось крестящимся старухам и попу. Его взгляд уперся в меня. Злобное счастье полилось из его глаз темными дым-

ными струями в мою сторону. В ладонь прыгнул бабкин оберег. Взгляд сущности стал удивленным, потом рассеянным. Он искал меня, но не находил. Отвернувшись, я прибавил шаг и повернул за угол. Холод резко сменился жарой. Ноги ослабли, в голове гудело. Спасительная мысль возникла внезапно, притупив последствия шока. Конечно, я все еще ехал в поезде. Сон во сне. Но уж слишком реальными были ощущения и детали - запахи, гравитация, звуки.

- Вот я и говорю, зачем хвост-то отрезали?

Рядом возник мужичишка метра полтора ростом. Небритый, лохматый. На нем была давно вылинявшая дырявая футболка, засаленные спортивные штаны и резиновые шлепки.

- Какой еще хвост?

- Ну как какой? Обезьяне черной хвост отрезали и страной поставили рулить. Я и говорю, разве это дело? Лучше хорошая обезьяна, чем плохой человек. Думали, не заметит никто. Как же! Накоси, выкуси! Смотри, сам увидишь. Только внимательно смотри. Тыть видишь ведь. Знаю, что видишь. Прощувай.

Сморкнувшись на землю, он нырнул в заросли полыни и быстро пропал из виду.

Реальность как сон. Теперь оставалось лишь одно – изменить отношение к происходящему. На тысячу аферистов и шарлатанов, возможно, приходится один истинный экстра-

сенс. Может так оно и случается? В глубине души почти каждый хочет быть суперменом или магом, а еще лучше - богом. Но это все потом. Сейчас нужно было просто дойти до дома. Без лишних приключений. Там наверняка уже ждали самолепные пельмени, деревенская сметана, холодная водка, салат из только что сорванных овощей и прочие радости сельской жизни.

За очередным поворотом источали кислое амбре забитые под завязку мятые мусорные баки, у которых лениво пировали клубы черных и зеленых мух. Чуть в стороне стоял древний ламповый телевизор, облаченный в деревянный полированный корпус. На кинескопе появилась бледная тень головы и медленно, но очень торжественно, с придыханием, произнесла:

- Дорогие товарищи, КПСС, ВЦСПС и ЦК ВКП(б) постановили…

Так и не сообщив, что же они там постановили, тень растеклась по экрану. Изъеденный ржавчиной, старый парализованный «Запорожец» печально провожал редкие авто, еле шевеля последней уцелевшей фарой. На меня он не обратил внимания.

Была еще бабулька на скамейке, возле свежевыкрашенного аккуратного домика. Из-под сморщенного посеревшего лица было заметно теплое белое сияние. Таким же теплым светом, но менее заметно был озарен дом и грядки за сеткой

забора. Она улыбнулась мне как самому любимому внуку и перекрестила.

- Дошел? Взял бы машину. Мы тут заждались уж. Дети вон ваши, в огороде бегают. Проходи, за стол, все готово давно. Чай пьем, рюмка бьем.

После третьей стопки и домашних пельменей с огородной зеленью мир заметно подобрел.

- Слышь, мать, тут зятек про бабку интересуется. Чот вроде и знакомо что-то. А? Не слыхала?

- Что, дед? С травами говоришь? С родинкой на правой щеке? Да, была такая, с зятем своим лет двадцать назад на «Ниве» разбились, в трактор въехали. Зятек-то, ее Миша, помнишь, чай, отец?

- А, усатый-то такой? Точно, вспомнил. Это чо уж, двадцать лет прошло? Надо ж. Не приведи господи. Бабка Авдотья, точно. Хорошая была, хоть и с норовом. Многих тут травками своими с того света, считай, вытащила, а сама-то не убереглась. Так вот оно в жизни-то как бывает. И вроде не сразу откинулась, помучилась напоследок. Ладно, чего расстроился-то? Давай лучше еще по одной.

Деревянная скамейка под окном, прогретая солнцем, заросли вишни, шелуха от семечек, вяло текущее сельское бытие и запах сена, разбавленный сигаретным дымом - то, зачем сюда приезжаю столько лет. Но сейчас все не так. Даже

пол литра на двоих не могут притупить это чувство. Ощущение, что попал за кулисы театра.

Зашуганная трехцветная кошка, вечно выпрашивающая объедки, уверенно топает ко мне, останавливается в двух шагах и, принимает позу суслика в поле. Не отрываясь, смотрит в глаза, а потом грязными лапами пытается что-то показать. На «брысь» она недовольно шипит и скалит зубы. То, что прислало ее сюда явно сильнее жажды жизни, вынуждающей копаться в мусоре и терпеть боль. Это становится интересным. Встаю и кидаю окурок в ржавое ведро. Кошка пробегает несколько шагов, останавливается, с нетерпением оглядывается и издает протяжный скрипучий «мяв».

Не спеша идем дальше, ни на что не отвлекаясь. Асфальт быстро сменяется козьими тропами и затянутыми ряской лужами, в которых бурлит насекомая жизнь. Мусорные кучи, сломанные кусты и коровьи лепешки тоже не создают нам особых проблем. В какой-то момент путешествие утомляет. Я закуриваю сигарету и поворачиваюсь назад. Кошка изгибает спину дугой, шипит и царапает землю. Ближайшая ко мне палка хорошо ложится в руку. Но тут кусты с треском расходятся, выпуская облепленную репьями черную псину размером с теленка. Собачатина смотрит равнодушно и меланхолично, так, как будто вопрос давно решен и ее вмешательство было явно излишним, но раз уж клиент такой бестолковый…

По дороге пытаюсь представить со стороны нашу процес-

сию, и от души смеюсь. Для полного комплекта там не хватает осла и петуха. Может, стоило еще пару раз дернуться назад? Тогда бременские музыканты были бы в полном сборе.

Наша компания протопала по пустырям еще полчаса, прежде чем мои мохнатые конвоиры остановились. По инерции я прошел еще с десяток шагов и уперся в заросли шиповника, за которым едва просматривались прогнившие бревна старого колодца. Оглядываюсь. Псина рыкнула, не открывая пасти, почесалась, медленно легла и положила голову на передние лапы, щурясь от яркого солнца. Кошка пристроилась рядом, наверно, для дружеского обмена блохами. Кусты, как и положено, усеяны мелкими шипами, которые обламываясь, застревают под кожей.

Колодец заброшен в глубокой древности и забыт. От двора, в котором он красовался, не осталось даже воспоминаний. Бревна трухлявые и крошатся от легкого прикосновения. В холодной бездне ничего не видно, лишь запах плесени и чувство, что тоннель уходит в бесконечность. Но что-то там все же есть. И оно все ближе. От него исходит любопытство и первобытная мощь, не принимающая того, что обычно называют моралью. Оно почти всесильно, но что-то его сдерживает на дне, которого, кажется, не существует. Холодное знание сути каждого движения атома топит сознание в океане всепознания, рядом с которым расщепление урана и двухъядерный процессор лишь капля от случайного всплеска.

- Так и не вспомнил, где бродил?

Через распахнутое окно в глаза лупит солнечный свет.

- Сколько времени?

- Одиннадцать доходит. Что, совсем не помнишь, как пришел? В репьях весь, колючках. Вроде и без перегара, не шатался. Только глаза как у наркомана. Взгляд такой. Аж никто не сказал ничего. Молча завалился на диван. Мы уж ночью смотрели. Вроде дышит. Детей в другую комнату пришлось переложить, а дед в гараж ушел на свой топчан.

От нее идет ровное желтоватое свечение. Она не злится, скорее, констатирует мелкую неприятность, как слишком жаркое солнце или дождь за окном. Видно и еще кое-что. Пока она говорит, беру листок и записываю, пока не забыл.

- На, вот, возьмешь на рынке. Отдельно заваришь, остудишь, а потом только смешаешь. Каждое утро по ложке.

- Зачем еще?

- Затем, что у тебя камушек в левой почке зарождается. Пока еще можно вывести.

- Ты… откуда?

- А это для нашей тещи. Тут немного серьезней, но время еще не упущено. Идите. Нет, стойте. Вот еще. Это деду подмешивайте незаметно в чай. Три дня и смотреть не сможет на водку.

Во дворе все то же. Не меняется ни пейзаж, ни люди. Зве-

ри мной больше не интересуются. Тупо лузгаю семечки, сидя на скамейке, пытаясь попасть в небольшую лужицу. Иногда получается. Часть семян достается суетливым воробьям или туповатым голубям. Один из них подходит совсем близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.